КАМА

Воскресенье, 2 апрѣля 1917 г. № 73

Условія подписки:

На годъ	8 р. — к.
На 1/2 года	4 р. 50 к.
3 мѣс.	2 р. 40 к.
1 мѣс.	— р. 80 к.

За перемѣну адреса 21 к.

Плата за объявленія за строку петита:

На 1-й страницѣ	20 к.
На 4-й	10 к.
Сторонніе сообщенія	30 к.

Мѣстныя и городскія объявленія по особому соглашенію.

Запросы, къ которымъ неприложено 10 копѣечной почтовой марки, исполняться не будутъ.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при газетѣ, вѣсомъ не болѣе 1 лота, взимается по городу 6 руб., иногороднихъ 12 руб.

Годъ изданія 5-й. ИЗДАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Редакція и контора: Сарапулъ, уголъ Троицкой и Сарапульской, д. Шалашурихой № 20.

Программы рукописи могутъ помѣщаться исключительно по усмотрѣнію редакціи. Обратную пересылку неупотребленныхъ рукописей редакція на себя не принимаетъ и въ переписку по поводу ихъ не вступаетъ. Напечатанныя имѣютъ хозяйства употребляются. Рукописи безъ обозначенія гонорара считаются безплатными.

Отдѣльный номеръ 6 коп.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Залъ Городской Думы

въ первый день Св. Пасхи съ 12 до 1 часу будетъ открытъ гражданамъ для обмѣна взаимными поздравленіями.

850

Прошу г. г. членовъ правленія педагогическаго о-ва пожаловать на засѣданіе правленія 6-го апрѣля, въ 1 часъ дня въ помѣщеніе реальн. уч. для обсужденія вопросовъ анкеты среди учащихъ и текущихъ дѣлъ.

Г. Пушкаревъ.

Прошу г. г. членовъ комиссіи педагогическаго общества по разработкѣ вопросовъ анкеты среди учащихъ гор. Сарапула и уѣзда и лицъ, интересующихся анкетой, пожаловать на собраніе въ помѣщеніе высшаго начальнаго училища при Единовѣрческой церкви (Троицкая площадь) **въ 10 час. утра, 3-го апрѣля с. г.**

И. Поповъ.

Предсѣдатель Городской Комиссіи по народному образованію проситъ г. г. членовъ этой комиссіи, а также всѣхъ заинтересовавшихся въ ея лекціонную секцію и всѣхъ интересующихся вопросомъ подготовки населенія къ учредительному собранію пожаловать съ цѣлью объединенія въ помѣщеніе Городской Управы.

Г. Пушкаревъ.

ВЫСТАВКА ПОДАРКОВЪ для большой лотереи, назначенной **на 3 апрѣля,** будетъ открыта съ 11 час. утра 2-го апрѣля.

Во время выставки будетъ произведена продажа оставшихся билетовъ.

Результатъ розыгрыша опубликуется въ газетахъ. 848

ВОЛЬШЯ ЛОТЕРЕЯ

Разыгрываются болѣе сто крупныхъ предметовъ на сумму тысячу девятьсотъ рублей, въ томъ числѣ: дорожныя шкатулки, кабинетъ, столовая и корзина чаю, коробка мыла и духовъ, ящикъ для сигаръ, разныя вазы, серебр. столовые приборы, вѣеръ, кошелекъ, часы и разныя серебряныя вещи, столовые приборы, самоваръ, серебр. вещи, роскошныя вазы для фруктовъ и сахара, альбомы, бинокли, шахматы, сахарныя щипцы, ложки и другія, всѣ вещи новыя, пріобрѣтены въ Москвѣ, магазинахъ.

ЦѢНА БИЛЕТА 1 РУБ.

Выпускъ выигрышей 5-6 апрѣля, и размѣщены о выдачѣ денегъ 10 февраля, какъ сказано въ газетахъ) въ Сарапульскомъ жилищномъ управленіи.

Тысячи выигрышей будутъ уплачиваться въ мѣстныхъ газетахъ 6 апрѣля.

Билеты въ кассѣ. Спектакли и Муз. увлеченія, во время музык. соб. и увлеч. вечеровъ.

Концертный залъ. Сарапульск. Отдѣлен. Рус. Музык. О-ва

— ВЪ ОРЕДУ, 5-го апрѣля 1917 г. —

СОСТОИТСЯ

Польскій вечеръ,

устроенный Польскимъ Обществомъ помощи жертвамъ войны въ г. Сарапулѣ.

Подробности въ афишахъ. Начало спектакля въ 8 час. вечера.

Билеты продаются въ аптекарскихъ магазинахъ „Гигіена". 843

Сарапульскій Кружокъ по оказанію помощи жертвамъ войны

ПОЛЬЩАМЪ ИЗГНАННИКАМЪ

ВЪ ПЯТНИЦУ 7-го АПРѢЛЯ 1917 г. состоится

СПЕКТАКЛЬ-КОНЦЕРТЪ

Сборъ съ которыхъ поступитъ въ пользу помощи нашимъ польскимъ товарищамъ въ плѣну.

Концертное отдѣленіе.	На сценѣ забота.	Я УМЕРЪ.

Начало въ 8½ час. вечера. Подробности въ афишахъ.

Лотерея-аллегри. Чайный и закусочный буфетъ

Зубной врачъ **Р. Л. ПЕРЕЦМАНЪ.**

Принимаетъ больныхъ ежедневно съ 10—2 и съ 6—7 час. вечера.

ЛЕЧЕНІЕ, ПЛОМБИРОВАНІЕ и УДАЛЕНІЕ ЗУБОВЪ.

ВСТАВЛЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ ЗУБОВЪ.

Собственная усилен. аппар. И. Н. Ямщикова. Бруссовская

Сарапульское Отдѣленіе Государственнаго Банка

Согласно постановленія ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

выпускается

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ 1917 г.

Срокомъ на пятьдесятъ пять лѣтъ.

СУММА ПОДПИСКИ НЕОГРАНИЧЕНА— ОПРЕДѢЛИТСЯ РАЗМѢРАМИ ПОДПИСКИ.

Главныя основанія займа.

I.

Облигаціи займа установлены слѣдующихъ достоинствъ: 50, 100, 500, 1000, 5000, 25000.

II.

Выпускная цѣна облигацій 85 р. за 100 номинальныхъ съ добавленіемъ къ этой суммѣ купона съ 16-го марта по день подписки.

III.

Облигаціи приносятъ доходъ на 100 номинальныхъ 5 руб. освобождающихъ отъ налога. Теченіе процентовъ съ 16-го марта. Доходъ уплачивается по купонамъ 16-го марта и 16-го сентября.

IV.

Казна обязуется съ 1922 г. выкупить въ теченіи пятидесяти пяти лѣтъ облигаціи по нарицательной цѣнѣ, кромѣ того цѣлый рядъ которыхъ выигрышныхъ займовъ. Займъ будетъ погашенъ въ 1972 г.

V.

Подписка принимается въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка. Казначействахъ, въ частныхъ коммерческихъ и Городскихъ Банкахъ, въ Обществахъ взаимнаго кредита и во всѣхъ учрежденіяхъ мѣстнаго кредита, а также и у мѣстныхъ посредниковъ, которые будутъ указаны особо.

VI

Начало подписки 6-го апрѣля, конецъ 31-го мая. Подписная сумма вносится единовременно безъ разсрочки. До полученія облигацій на принятый деньги будутъ выдаваться именныя квитанціи, съ обозначеніемъ въ нихъ затребованнаго числа листовъ по достоинствамъ. Всѣ подписки будутъ удовлетворены полностью.

VII.

Подъ облигаціи, а временно и подъ квитанціи—подписчики могутъ получать ссуды въ размѣрѣ 90% стоимости пяти процентныхъ или трехъ четвертей процента ростка, съ освобожденіемъ отъ особаго сбора и послѣдующимъ тремъ числамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ.

VIII.

Въ уплату повинной суммы принимаются и 5% облигаціи.

IX.

Хранение и управленіе облигаціи безплатное съ освобожденіемъ отъ гербоваго сбора.

Управляющій В. Щегловъ.

Нуженъ волостной писарь

въ Камбарское волостное правленіе, Осинск. уѣзд. на оклады жалованья въ мѣсяцъ 30 руб., при готовой квартирѣ. Заявленія адресовать на имя волостного старшины. 719

ОТКРЫВАЮТСЯ

частные историко-политические курсы

для лицъ съ образованіемъ НЕ НИЖЕ высшаго начальнаго училища или съ соотвѣтствующимъ домашнимъ образованіемъ.

Лекціи будутъ читаться **съ 3 по 8 апрѣля** ежедневно **отъ 1—8 час. дня** ежедневно въ помѣщеніи женской учительской семинаріи (Зерусалимская ул., у богадѣльни Сметина).

ПЛАТА ЗА ВЕСЬ КУРСЪ 3 РУБ.

Запись на курсы производится на квартирѣ М. Н. Лушниковой, Петровская ул., соб. домъ, отъ 2 до 3 час. ежедневно.

Для учениковъ 8 класса гимназіи взятая 20 безплатныхъ билетовъ.

Организаторы курсовъ: М. Лушникова, А. Анастасьева. 836

Сарапульская Городская Управа

объявляетъ, что въ ея присутствіи 7 сего апрѣля съ 12 час. дня назначены ТОРГИ на отдачу подряда пастьбы разнаго рода скота, принадлежащаго жителямъ г. Сарапула срокомъ на 1917 и 1918 г. г.

Кондиціи можно разсматривать въ Городской Управѣ отъ 11 до 2-хъ час. дня.

801 З. м. Городского Головы П. Смагинъ.

Земскій книжный складъ

рядомъ съ Потребительнымъ Обществомъ.

ПОЛУЧЕНЫ

заборныя книжки, бланки годовыхъ отчетовъ для потребительныхъ обществъ.

Продается ЛОКОМОБИЛЬ

съ принадлежностями и трансмиссіей, очень мало бывшій въ работѣ, фирмы Кейзеръ, 10 силъ.

Адресъ въ Адрес. столѣ. 849

Продается ДРОВА

сосновые

Адресъ: Питейная ул. домъ Бирюкова, противъ мужского монастыря. 826

Слѣдующій № газеты „КАМА" выйдетъ въ пятницу 7 апрѣля.

Жаворонокъ.

Своимъ колокольнымъ маленькій и нѣжный,
Жаворонокъ тонетъ въ синей бездонной;
Тучки разбѣгаются, далеко видно,
И звенитъ онъ тѣсно сердцамъ о счастьѣ.

Вонъ, было время, да умно бѣ счастье—
Штать и я о смыслѣ съ жаворонкомъ пѣсни.
Годы пронеслись—не мы запоздали,
Сердце колокольцемъ—пѣть перестало...

Но сегодня радъ я на бѣгущимъ
Отдохнуть немного, помолчать на волѣ,
Нашимъ аполлонъ жаворонокъ
И хоть на мгновеніе сердцемъ молодѣть.

День свѣтъ тихій, далеко видно,
И звенитъ онъ тѣсно сердцамъ о счастьѣ.
Жаворонокъ нашъ въ синей бездонной,
Своимъ колокольнымъ маленькій и нѣжный.

Владиміръ Юнгеръ.

Въ тылу непріятеля.

(Разсказъ участника войны).

Я. Окунева.

Неглубокая яма вырыта, а передъ нею—насыпь. Въ ямѣ два солдата: часовой и подчасокъ. Часовой—я, а подчасокъ — Горюновъ, ворчливый, хмурый человѣкъ, небольшого роста, коренастный и плотный.

Недѣли три тому назадъ приблудилась къ нашей ротѣ собачка, коротконогая, съ мохнатой шерстью и обрубленнымъ хвостомъ, дворняжка. Горюновъ приласкалъ ее, сталъ кормить объѣдками, и съ тѣхъ поръ она всюду ходитъ за нимъ; въ походы, въ атакѣ, на развѣдкѣ, на дозорѣ—собака бѣжитъ за солдатомъ, повиливая обрубкомъ хвоста.

Горюновъ разговариваетъ съ нею, какъ съ человѣкомъ, и она, наставивъ уши, внимательно слушаетъ его. Онъ поетъ ей свои заунывныя степныя пѣсни, — Горюновъ степнякъ, изъ за Волги,—собака подвываетъ ему, когда онъ поетъ.

— Толковый песъ,—хвалитъ свою собачку Горюновъ: — что ты ей ни скажи, все пойметъ. Такая умная животная.

На дозорѣ, слѣдовательно, насъ трое: я, Горюновъ и Мальчикъ. Я стою у насыпи и всматриваюсь въ темноту, Горюновъ невдалекѣ мурлычитъ что-то подъ носъ, собака свернулась клубочкомъ у его ногъ и тихо повизгиваетъ.

Далеко впереди багровѣетъ кровавый отблескъ пожара. Зарево залило весь горизонтъ, и страшно это кровавое небо, тѣмъ болѣе, что стоитъ какая то особенная, жуткая, глухая тишина, которая бываетъ иногда только на войнѣ, передъ большимъ боемъ.

Неподалеку стоитъ одинокій крестъ. На немъ—кривая надпись углемъ: „Тута воинъ Сидоръ Перовъ, палъ въ бою. Вѣчная память".

Крестъ свѣжій. Онъ еще пахнетъ смолою. Вокругъ него валяются смолистыя щепки, кора и сучья.

Срубили солдаты сосну въ рощѣ, обтесали, сбили крестъ и поставили надъ могилой павшаго въ бою воина Сидора Перова. Пойдутъ дожди, смоютъ надпись на крестѣ, размоютъ невысокій холмикъ и сравняется съ землею могила Сидора Перова.

Накануне австрійцы, пользуясь густымъ туманомъ, стянули большія силы, обошли насъ и начали бить перекрестнымъ огнемъ. Огромные бризантные снаряды и пулеметный дождь снесли прикрытія въ полчаса. Мы выдержали много атакъ, впереди насъ стояла гора изъ тѣлъ, а они шли и шли со всѣхъ сторонъ, словно вырастали изъ-подъ земли, шли сплошнымъ строемъ, рѣдѣя и снова заполняя свои ряды.

Мы были обойдены. Нужно было непремѣнно сообщить въ № о нашемъ положеніи, а телефонъ былъ поврежденъ, сообщенія прерваны, и невозможно было пробраться черезъ сплошной огонь.

— Ваше благородіе! Дозвольте мнѣ,—вызвался Перовъ.

Ротный только махнулъ рукой.

Черезъ нѣсколько часовъ Перовъ вернулся. Вмѣсто руки у него болтались кровавые лохмотья, мундиръ былъ весь опаленъ и изодранъ.

— Имѣю честь доложить... — началъ онъ, взявъ подъ козырекъ правой здоровой рукою

Весь лѣвый бокъ Перова былъ залитъ кровью, которая лилась ручьями съ лохмотьевъ измочаленной снарядомъ руки.

— Санитара!—крикнулъ ротный, зажмуривъ глаза отъ ужаса.—Боже мой! Скорѣе санитара!

— Дозвольте допрежь доложить... —продолжалъ Перовъ.

— Короче! Ради Бога...

И обливаясь кровью, Перовъ продолжалъ свой подробный докладъ,

Потомъ повернулся «налѣво кругомъ», какъ полагается, и упалъ

И въ забытьѣ сказалъ;.

— Потому служба...

— «Тута воинъ Сидоръ Перовъ... Вѣчная память».

Благодаря ему, часть роты прорвалась. Остались мы, пятнадцать человѣкъ, остались въ тылу у непріятеля. У насъ три пулемета, наши засѣли съ ними въ лѣсу и притаились. Ждутъ.

На опушкѣ лѣса, гдѣ мы стоимъ на часахъ, была ихъ батарея. Она обливала насъ адскимъ огнемъ, швыряла въ насъ сотни пудовъ свинца, желѣза, стали. Сейчасъ австрійцы неподалеку—спятъ.

Днемъ мы—пятнадцать человѣкъ—пробирались по лѣсу. Шли наугадъ, къ востоку, натыкались почти вплотную на австрійцевъ и прятались. Мы видѣли ихъ затылки, шли за ихъ обозами. Они не знали, что позади ихъ русскіе—пятнадцать человѣкъ съ тремя пулеметами.

— Ахъ, ты, песикъ, песикъ,— чешетъ за ухомъ свою собаку Горюновъ.—Для ча, собачій сынъ, ходишь за нами? А? Убьетъ тебя шальная пуля, собака ты... Ничего, не горюй, братъ, авось продеремся.

Собака вертитъ обрубленнымъ хвостомъ и ложится на спину, поднявъ всѣ свои четыре лапы.

Въ камышахъ у рѣки вспыхиваетъ синій огонекъ, за нимъ другой, третій, и вотъ уже ихъ длинный рядъ.

— Ф-р-ръ!—взвивается къ небу ракета и, распустивъ въ небѣ свой огненный хвостъ, разсыпается звѣздочками.

— Ишь шаритъ,—вполголоса говоритъ Горюновъ.

И опять, обратившись къ своей собакѣ, гладитъ ее и разсказываетъ ей другимъ, душевнымъ, немного грустнымъ голосомъ:

— И сколь много ихъ полегло намедни, другъ мой! Нашихъ много и ихнихъ много. Всѣ сиротъ да вдовъ оставили. Такое дѣло. А опшо не то буди, собака. Опшо полягемъ и мы, ежли Богъ не вынесетъ.

— На то война, Горюновъ.

— Война-то война, другъ мой,— отвѣчаетъ Горюновъ, обращаясь не ко мнѣ, а къ собакѣ.—Только войны разныя бываютъ. Въ японскую войну куды слабже бились. Подъ Ляояномъ мы были. Тоже бой былъ —не приведи Богъ! А все же инымъ порядкомъ бились.

— Какимъ же это инымъ порядкомъ?

— Такъ-ту, любезный,—поворачиваетъ ко мнѣ голову Горюновъ. —Видалъ ты, что въ Р. австріяки понадѣлали? Трубы однѣ отъ жилья остались. Всѣхъ перерѣзали. Мирныхъ жителевъ-то! А снаряды какіе придумали: печками швыряютъ, въ куски рветъ человѣка Умственная война! Наука!

Слово «наука» онъ произнесъ съ особымъ оттѣнкомъ горькаго упрека. И сплюнулъ въ сторону.

Огоньки въ камышахъ погасли. Зарево забагровѣло ярче.

Собака вскочила, приподняла переднюю лапу, насторожилась и тихо заскулила.

— Тьфу, оканная! Чего плачешь?—Горюновъ толкнулъ ее прикладомъ.—Чуешь, што ли?

Кругомъ тишина. Но «онъ», невидный и неслышный, шевелится въ камышахъ. То зажжетъ свои огоньки, то погаситъ. Иногда тишина нарушается свистками. Это перекликаются „его" дозорные посты, разбросанные на берегу рѣки.

Рѣка, кровавая отъ пожаровъ, плещется у самой нашей насыпи, и плывутъ по рѣкѣ какіе то черные бугры. Не разобрать, что плыветъ. Но когда дуетъ оттуда вѣтерокъ, доносится тяжелый сладковатый запахъ разложенія.

— Гляди въ оба!—шепчетъ вдругъ Горюновъ и ложится на землю.— Какъ бы песъ не залаялъ.

Въ аломъ трепетаніи зарева вырѣзываются четыре конныхъ тѣни. слышно, какъ звенятъ копыта по камнямъ.

— Слышь, молчи, не смѣй гавкать,—зажавъ рукою морду насторожившейся собакѣ, шипитъ Горюновъ.—Экое несчастье съ такой животной!

Всадники мчатся прямо на насъ. Я не знаю, что дѣлать. Дать знать своимъ—поздно, стрѣлять—опасно: откроютъ наше логовище въ лѣсу. Мы отползаемъ въ сторону, готовимся стрѣлять.

Wer da?—окликаетъ тревожный голосъ.

Видимо, услыхали что-то. Остановились у ямы, гдѣ мы только-что были, спѣшились и осматриваютъ ее при свѣтѣ электрическаго фонарика. Говорятъ о чемъ-то.

А мы, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, притаились за кустарникомъ. Сердце бьется: Я въ душѣ браню Горюнова за его собаку. Но Мальчикъ, какъ будто понимая, въ чемъ дѣло, притаился съ нами и молчитъ. Горюновъ гладитъ его.

Австрійцы ничего не замѣтили, сѣли на лошадей и ускакали налѣво.

Горюновъ снялъ фуражку, отираетъ рукавомъ потъ, крестится.

Мы возвращаемся на прежнее мѣсто.

— У-у-у!—не выдержавъ, завыла собака.

— Молчи, стерва!—прикрикнулъ на нее Горюновъ и, чтобы заглушить тоску, закрываетъ глаза и мурлычитъ пѣсню:

Эй, пей, пей—гуляй,
Наша жизнь—копейка!

Пѣсня не ладится. Горюновъ обрываетъ ее.

— Скоро-ль намъ смѣна?

— Черезъ полчаса.

— Долго еще. Въ атаку итти легче, нежели этакъ...

И снова пытается запѣть:

И д'наша жизнь копейка!—

Онъ поетъ вполголоса, тонкимъ бабьимъ голоскомъ и покачивается, опершись обѣими руками на винтовку. Поетъ и, видимо, думаетъ о чемъ-то далекомъ отъ войны.

— Эхъ!—встряхивается онъ и, какъ видно, резюмируетъ этимъ восклицаніемъ свою мысль.

— О чемъ ты, Горюновъ?

— Такъ, ни объ чемъ. Чтой-то идутъ.

— Недолго еще.

Унтеръ Лаговъ выходитъ изъ лѣса и передаетъ намъ приказаніе нашего прапорщика сниться съ поста.

Отрядъ, — пятнадцать человѣкъ, три пулемета и собака,—пробирается по лѣсу, среди старыхъ, многолѣтнихъ сосенъ, черезъ болота и заросли кустарника. Мы ищемъ дорогу къ своимъ. Мы бродимъ и силой непріятеля—пятнадцать человѣкъ съ тремя пулеметами.

Лѣсъ сразу оборвался. Передъ нами широкая поляна, а на полянѣ въ двухъ десяткахъ шаговъ отъ насъ, человѣкъ сорокъ австрійцевъ. Они идутъ прямо навстрѣчу намъ. Замѣтили насъ, но, видимо, не знаютъ, сколько насъ, потому что дрогнули, подались назадъ, остановились. Ихъ офицеръ выскочилъ впередъ, побѣжалъ въ сторону.

— Стрѣляй!—приказалъ нашъ прапорщикъ.

Офицеръ упалъ ничкомъ. Австрійцы побѣжали къ тому мѣсту, гдѣ онъ легъ, и стали ложиться рядомъ съ нимъ.

Какъ видно, они полагали, что ихъ офицеръ сдѣлалъ перебѣжку и прилегъ, какъ полагается, а онъ упалъ, убитый наповалъ нашей пулей.

— Жарь изъ пулеметовъ!—сказалъ нашъ прапорщикъ.

Въ одинъ мигъ пулеметы наведены. Частый трескъ. Черная туча пулекъ застилаетъ поляну. Ничего

Какъ это случилось.

Поистинѣ, все это похоже на феерію—трагическую, торжественную и великолѣпную.

Все произошло чрезвычайно быстро,—настолько, что вначалѣ даже было трудно дать себѣ точный отчетъ въ событіяхъ, цѣплявшихся одно за другое съ легкостью необычайной и упорствомъ почти фантастическимъ.

Но прежде всего,—что дало первоначальный толчекъ? Всѣ сходятся на одномъ: день 25-го февраля, когда переодѣтые солдатами городовые и околоточные безсмысленно и безпощадно стали стрѣлять въ мирную толпу у Гостинаго двора съ оконъ Европейской гостиницы и съ каланчи городской думы.

Это было возмутительно. Погибли ни въ чемъ неповинные люди. До сихъ поръ я не могу забыть мальчика-гимназиста, шедшаго съ ранцемъ изъ школы и трепыхавшагося на мостовой и рядомъ съ нимъ старика, черезъ горло котораго, на плиты тротуара, какъ красное вино изъ бочки, хлестала кровь.

Эта стрѣльба,—если она только не была вызвана раздраженной глупостью тогдашней власти,—была чрезвычайно похожа на провокацію.

Такъ ее и приняли.

И когда 26-го залегшіе на Невскомъ таинственные незнакомцы въ солдатскихъ шинеляхъ открыли новую пальбу по кишѣвшему народомъ проспекту и городъ снова отдалъ сотни невинныхъ жертвъ,—возмущеніе вспыхнуло какъ пламя, прорвавшее крышу слишкомъ тѣснаго помѣщенія.

За что? Почему? Что сдѣлалъ народъ, просившій только хлѣба? Что сдѣлали тѣ военные, которые тоже гуляли въ толпѣ, тоже пали отъ пуль?

Тогда, на Караванной, около четырехъ часовъ дня, я встрѣтилъ окровавленнаго молодого офицера, которому какая-то барышня перевязывала носовымъ платкомъ щеку. Его только что подстрѣлили жандармы.

Вечеромъ городъ походилъ на осажденный лагерь.

Темныя улицы, заколоченные магазины, возмущеніе, боль и тоска. Въ редакціяхъ стало извѣстно о роспускѣ Государственной Думы и о томъ, что она рѣшила не расходиться.

Этотъ красивый и необходимый жестъ былъ одобренъ всѣми.

Но всѣхъ интересовалъ вопросъ, что будетъ завтра и что, вообще, будетъ съ городомъ, бившимся какъ птица въ тенетахъ.

Хлѣба стало еще меньше. Хвосты передъ лавками удлинились вдвое и многія булочныя закрылись совсѣмъ. Городъ жилъ только слухами. Газетъ не было. Трамваи не ходили и всѣ извозчики, какъ и городовые, исчезли неизвѣстно куда. Извозчиковъ пугала стрѣльба—среди нихъ тоже были жертвы, городовые же, переодѣтые въ солдатскую форму, засѣвъ на крышахъ и подъ подворотнями домовъ, приготовились «исполнять порученія».

27-го Петроградъ проснулся подъ выстрѣлы, но, въ общемъ, онъ еще былъ почти обыченъ.

Говорили, что идетъ пальба на Выборгской сторонѣ, и что ночью были приняты важныя рѣшенія Государственной Думой.

На Невскомъ гарцовали казаки и всѣ главныя артеріи—Литейный и Владимирская, Садовая и Морская были запружены народомъ.

На Литейномъ стояла цѣпь солдатъ, пропускавшихъ только «благонадежныхъ», но видно было, что и эти солдаты и патрули, поставленные у домовъ, тяготятся своимъ новымъ дѣломъ, непріятнымъ и имъ несвойственнымъ.

Передъ тѣмъ, какъ идти на главныя улицы, каждый почти непремѣнно спрашивалъ встрѣчныхъ:— Можно? Тамъ еще стрѣляютъ?

И шелъ только тогда, когда говорили—„да, можно". Въ 2 часа дня у Владимирской площади я встрѣтилъ знакомаго журналиста.

Онъ несся, возбужденный и взволнованный,—и размахивая руками, прочалъ навстрѣчу:

— Революція! Предварилка разгромлена! Изъ «Крестовъ» выпущены всѣ до одного человѣка. Сейчасъ солдаты и рабочіе на грузовыхъ автомобиляхъ поѣхали по Невскому съ красными флагомъ, взявъ съ собой оружіе изъ арсенала. Арсеналъ тоже палъ...

Это было неожиданно, какъ ударъ бомбы.

— Когда? Правда? Такъ скоро? Какой поводъ? Вѣдь все еще было сравнительно такъ спокойно!

— Сами полки возмутились разстрѣломъ мирныхъ жителей. Первыми поднялись волынцы.

Я съ ними только что былъ у предварилки.

Какія картины! Какой-то политическій съ изможденнымъ лицомъ, одѣтый въ вислоухую барашковую шапку, плакалъ какъ ребенокъ и бросался солдатамъ на шею...

Сейчасъ подожгли, между прочимъ, окружной судъ.

Изъ арсенала раздается оружіе народу.

Зажгли ближайшіе участки и на Кирочной осаждаютъ забаррикадировавшихся тамъ жандармовъ...

Все это говорилось съ увлеченіемъ и искренностью, не заставлявшими сомнѣваться, но въ то же время это было такъ мало похоже на правду!

Я снова переспросилъ съ недовѣріемъ.

— Да, да, да—увѣряю васъ. Совершилось необычайное! Къ волынцамъ присоединился литовскій полкъ, присоединились преображенцы, саперы, автомобильная рота. Присоединяются всѣ полки—идите, глядите, только не попадите подъ обстрѣлъ. По Литейному отъ окружного свищутъ пули съ Выборгской стороны!

Онъ ушелъ жизнерадостный, спѣшащій.

По Литейному, дѣйствительно, свистали пули. Автомобили скорой помощи, пофыркивая и качаясь продолговатыми своими туловищами, носились, какъ сумасшедшіе изъ конца въ конецъ.

Съ разныхъ сторонъ слышно было щелканье винтовокъ и иногда пулеметная дробь.

Невскій замѣтно опустѣлъ.

Съ него на Владимирской только что былъ произведенъ залпъ изъ двадцати двухъ винтовокъ.

Говорили, что это стрѣляла часть волынцевъ, не желавшая присоединиться къ полку, другіе—что переодѣтые жандармы.

Слухи—какъ вѣтеръ. Они облетаютъ сразу же всѣ дома и къ сумеркамъ о происшедшемъ зналъ весь городъ. То, что случилось, было переворотомъ необычайнымъ. Какъ стихійно! Какъ дружно! И, значитъ, какъ накипѣло въ душѣ у всѣхъ, разъ этого не могли предвидѣть даже за два часа люди, знающіе народъ и его настроеніе. Но и радовала и внушала опасенія, главнымъ образомъ, мысль о продовольствіи и о томъ, какъ отнесутся къ возстанію другіе города, вѣрнѣе, какъ будетъ вести себя старая власть въ остальной Россіи. Вѣдь она же могла не пропустить поѣздовъ съ припасами,—съ мукой, съ углемъ и тогда народъ остался бы въ положеніи осажденной крѣпости. И затѣмъ— какъ будутъ держать себя примкнувшіе къ движенію войска? Прежде всего, все-таки, порядокъ, а пока его не было замѣтно.

Стрѣльба на улицахъ участилась какъ по щучьему велѣнью. Волны народа, съ выжиданіемъ застывшія на перекресткахъ и боявшіяся двинуться впередъ, рокотали недовѣрчиво и буйно.

Все время то тамъ, то здѣсь слышались голоса:

— Разрывными пулями стрѣляютъ, черти! Вонъ съ той крыши дѣвочку убило. Прямо въ животикъ попало.

— Солдатъ шелъ, такъ его перерѣзало почти пополамъ.

— Не ходите туда, господинъ, тамъ убитые лежатъ, сейчасъ автомобиль за ними пріѣдетъ.

Всѣ больницы и пріемные покои были переполнены. Въ часовняхъ лежали трупы сотенъ, изъ которыхъ многіе были «безвинно убіенными»— страдальческія лица, застывшія гримасы боли, ужасъ и печаль.

Народная свобода требуетъ своего искупленія и оно было уже дано.

Къ вечеру положеніе стало яснымъ. Плотина была прорвана и рѣка разлилась широко и бурно. Выстрѣлы не смолкали, по всѣмъ главнымъ улицамъ съ грохотомъ и шумомъ мчались грузовые автомобили, переполненные побратавшимися солдатами и рабочими. Всѣ они были вооружены и на радости стрѣляли въ воздухъ. Это еще больше усиливало трескотню. Передавались послѣдніе слухи: пала Петропавловская крѣпость, Литовскій замокъ, князь Голицынъ ушелъ въ отставку, (это извѣстіе принималось съ улыбкой) начинаются аресты старыхъ министровъ, Протопоповъ что то мудритъ и хочетъ, чтобы его назначили диктаторомъ. Другіе говорили, что, наоборотъ, Родзянко будетъ премьеромъ, а Протопоповъ удралъ въ Финляндію и т. д. и т. д.

Всю ночь меня будила ружейная пальба и крики разъѣзжающихъ на автомобиляхъ солдатъ подъ окнами.

Встало солнце—весеннее, яркое, и уже съ самаго утра было замѣтно, что Петроградъ кипитъ, какъ жерло огромнаго вулкана, полнаго горячей лавы.

Всѣ куда то мчались, кричали, о чемъ то спорили, съ крышъ шла еще прежняя пальба, автомобилей съ красными флагами было еще больше, и на Литейномъ тяжело и важно, какъ левіафаны, двигались броневики по направленію къ догорѣвшему окружному суду.

Волшебная картина! На всѣхъ броневикахъ, какъ знакъ протеста противъ прежней власти, трепеталъ красный флагъ.

Не вѣрилось, что это Петроградъ. Не вѣрилось, что это Россія. Не вѣрилось даже, что это дѣйствительность—все эти солдаты и пулеметчики, и автомобилисты, примкнувшіе къ народу, вѣрнѣе—сами ставшіе за народъ.

Эта революція характерна именно тѣмъ, что она была и абсолютно не преднамѣренной.

Ее никто не пропагандировалъ. Про нее никто не думалъ. Ее никто не создавалъ.

Она сама себя создала—низостью того, что было, и стихійною рѣшимостью народа.

Въ редакціи крупной петроградской газеты, куда я зашелъ, чтобы узнать новости, несмотря на ранній часъ, были многіе сотрудники. Всѣ были возбуждены, какъ морфинисты.

Въ 12 часовъ къ поѣзду подкатилъ автомобиль бывшаго министра путей сообщенія Кригеръ-Войновскаго. На немъ сидѣли солдаты и матросы.

Насъ приглашали въ Гос. Думу. Мы сѣли. Здоровый матросъ, стоя на подножкѣ впереди, все время

не видно.

— Будетъ!—останавливаетъ пулеметчиковъ прапорщикъ.

Сорокъ чоловѣкъ австрійцевъ лежатъ. Но не рядомъ, какъ раньше, а раскиданные по всему полю.

За поляной поднялась безпорядочная стрѣльба.

— Бѣгомъ!—приказываетъ прапорщикъ.

Мы бѣжимъ черезъ поляну. Бѣжимъ, какъ можно прытко бѣжать съ тремя пулеметами.

Собака Горюнова—впереди. Мчится съ лаемъ, поднявъ одно ухо и опустивъ другое. Несмотря на то, что мы шли на авось, потому, что иного выхода послѣ поднятой нами тревоги не было, чувствовалась странная, необъяснимая увѣренность, что мы пробьемся.

Думайте, что хотите о предчувствіи—оно есть. Оно ощущается съ особенной силою на войнѣ, когда у человѣка нервы напряжены до крайняго предѣла. Смутно чуешь опасность, когда она близка, и, вопреки уму, идешь туда, куда нужно, дѣлаешь то, что нужно.

Такъ и теперь. Пятнадцать человѣкъ бѣжали въ тылъ арміи,—цѣлой арміи, загородившей намъ дорогу, отрѣзавшей намъ путь къ своимъ. И всѣ мы были твердо увѣрены въ томъ, что именно такъ намъ слѣдуетъ поступить, что теперь не нужно уже прятаться въ лѣсу. Никакихъ разумныхъ доводовъ въ пользу того, что намъ нужно бѣжать впередъ, а не уходить въ глубь лѣса, не было. Наоборотъ: мы только-что сами искрошили тремя пулеметами сорокъ человѣкъ. А у нихъ—сколько тамъ пулеметовъ!

Мы бѣжали съ полверсты по полянѣ. Рѣдкія ружейныя пули свистѣли надъ нашими головами. Казалось страннымъ, что насъ обстрѣливаютъ такимъ вялымъ огнемъ. Вѣдь насъ, ясное дѣло, замѣтили.

Вдругъ оборвалась и ружейная стрѣльба. Какъ видно, „тамъ" случилось что-то. А можетъ-быть, насъ готовятся угостить изъ пулеметовъ?

— Ложись!

Мы легли и поползли на животахъ. Собачка Горюнова скрылась за высокой порослью. Доносился только ея лай. Онъ былъ особенный, звонкій и радостный.

Горюновъ приподнялъ голову и прислушался.

— Ахъ ты, песикъ!—сказалъ онъ и вскочилъ на ноги.—Ваше благородіе! Тамъ свои.

— Ложись, голова! Какіе тамъ свои!

— А такъ што собачка кажетъ, ваше благородіе.

— Ложись, ложись!

Изъ-за кустарника показалась чубатая голова въ казачьей фуражкѣ.

Казакъ, такъ же, какъ и мы, ползъ навстрѣчу намъ.

— Вотъ чудеса!—вскричалъ онъ, увидѣвъ насъ, и всталъ съ земли.—Откуда вы? Мы думали, что австрійцы. Ежели бы не собачка, худо пришлось бы вамъ.

— А вы откуда здѣсь?—спросилъ прапорщикъ.

— Да тутъ, ваше благородіе, наши цѣпи. Вчерась перешли рѣку.

Прапорщикъ смущенно посмотрѣлъ на насъ, хмыкнулъ, словно подавилъ въ себѣ готовое вырваться рыданіе, и обнялъ казака.

— Давай, братъ, поцѣлуемся!

— Извольте, ваше благородіе.

И оба расцѣловались трижды.

Мы понимали своего прапорщика, понимали, почему онъ поцѣловалъ казака. Вѣдь мы,—пятнадцать человѣкъ съ тремя пулеметами,—бродившіе два дня въ тылу непріятельской арміи, были спасены.

Собачка Горюнова прыгала, взвизгивая и ласкаясь къ своему хозяину.

— Пойдемъ, пойдемъ, животная!—сказалъ ей Горюновъ.—Ужъ такая ты у меня ладная, ужъ такая хорошая да понятливая—только что не говоришь. Пойдемъ, животная. Хотѣли насъ съ тобою запапать—да дудки!

«Нива».

Письмо солдата въ деревню.

Христосъ Воскресе!

Спѣшу поздравить Васъ съ Высокоторжественнымъ праздникомъ святой Пасхи, а равно съ праздникомъ Народной Свободы, сердечно желаю Вамъ провести эти Святыя дни Святой Пасхи равно и знаменательныя дни Свободы въ добромъ здоровіи и благополучіи. Вотъ наступитъ моментъ, когда первый ударъ колокола такъ трогательно загудитъ, призывая къ великому торжеству православія, радостью забьется сердце каждаго изъ Васъ, равно оно застучитъ и у меня, но эту радость не много смущаетъ грусть, эта грусть о Васъ мои дорогіе; я невольно вспоминаю то счастливое дорогое для меня время, когда я встрѣчалъ этотъ праздникъ среди милой дорогой семьи, а теперь я здѣсь на чужбинѣ далекой, среди незнакомыхъ людей я не вижу здѣсь ласковыхъ взоровъ, я не увижу здѣсь Васъ дорогіе мои, я не имѣю возможности крѣпко цѣловать Васъ въ знакъ всемірной радости, которая въ нынѣшнемъ 17 году въ особенности проявилась намъ! Но сколько бы не смущала насъ скорбь о родинѣ, эту скорбь разгоняютъ свѣтлыя лучи Свободы. Мы, солдаты! празднуя свѣтлый праздникъ Пасхи, празднуемъ также великій праздникъ свободы, дарованной намъ новымъ Правительствомъ, мы празднуемъ освобожденіе отъ вѣчнаго гнета и притѣсненія. Теперь внутренній врагъ сломленъ, и старое правительство во главѣ съ бывшимъ самодержавцемъ свергнуты: теперь мы уже не рабы, а свободные граждане, это почетное званіе подняло нашъ солдатскій духъ.

Мы радуемся и веселимся и вѣримъ, что нашу радость и Вы съ нами раздѣляете. Теперь наше стремленіе сосредоточено только къ тому, какъ бы скорѣе сломить кровожаднаго врага, а то онъ можетъ лишить насъ этой вожделѣнной свободы. Если онъ побѣдитъ насъ, то онъ опять посадитъ на престолъ Николая Романова, который такъ предательски разорилъ нашу дорогую Русь со своимъ надменнымъ правительствомъ. А когда мы побѣдимъ, тогда будетъ праздникъ изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ, тогда возсіяетъ солнце свободы, лучи котораго обогрѣютъ каждаго изъ насъ. О! когда настанетъ эта вожделѣнная, давно желаемая минута. Мы, солдаты, просимъ Васъ не смущаться тѣмъ, что такъ долго нѣтъ мира подумайте, вѣдь такое великое дѣло нельзя кончать скоро, потерпите еще немного и будетъ сдѣлано все чего давно желали, за что мученически пали многіе борцы за народную свободу, но пусть деревня не понимаетъ свободы такъ, какъ было въ 1905 г. пусть не будетъ у Васъ грабежей, безчинствъ, пьянства и др. з, наоборотъ, должно быть полное спокойствіе и порядокъ. А теперь, въ заключеніе, одно могу сказать Вамъ, мои дорогіе: каждый изъ насъ, какъ свободный гражданинъ долженъ громко крикнуть отъ радости «Да Здравствуетъ Свобода, да здравствуетъ дорогое новое Правительство во главѣ съ предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко, которые, рискуя лишиться жизни, отвоевали намъ эту желанную свободу, за ихъ здоровіе крикнемъ громкое «ура»!!!

Любящій васъ солдатъ Старцевъ.

Европейская война.

От Петроградскаго Телеграфнаго Агентства.

Изъ ставки.

За 30 марта.

На западномъ, румынскомъ и кавказскомъ фронтахъ перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ.

Резолюціи съѣзда совѣтовъ Р. и С. депутатовъ.

ПЕТРОГРАДЪ. 29 марта. Засѣданіе съѣзда делегатовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ:

О войнѣ.

По первому пункту программы—объ отношеніи къ войнѣ—отъ имени Исполнительнаго комитета Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выступилъ Церетели, предложившій принять слѣдующую резолюцію: «Въ воззваніи къ народамъ міра 14 марта Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ подтвердилъ твердую рѣшимость Россійской демократіи осуществить въ области внѣшней политики тѣ-же начала свободы и права, какія провозглашены имъ въ внутренней жизни Россіи. Многочисленное собраніе рабочихъ солдатъ и гражданъ со всей Россіи подтвердило эту рѣшимость и выразило волю народа—отстаивая собственную свободу, не допустить использовать революціонное воодушевленіе народа для насилія надъ другими народами, для явныхъ или открытыхъ захватовъ и контрибуцій. Исполнительный Комитетъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ вошелъ въ сношенія съ Временнымъ Правительствомъ, указавъ на неотложность публичнаго отказа свободной Россіи отъ завоевательныхъ плановъ царизма. 24 марта Временное Правительство опубликовало обращеніе къ гражданамъ Россіи. Оно заявило, что цѣли свободной Россіи—не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ національнаго ихъ достоянія, не захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ, онъ не ставитъ своей цѣлью ни ихъ порабощенія, ни униженія.

Придавая огромное значеніе этому акту Временнаго Правительства, Россійская демократія видитъ въ немъ важный шагъ навстрѣчу осуществленію демократическихъ принциповъ въ области внѣшней политики. Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ со всей энергіей будутъ поддерживать шаги Временнаго Правительства въ этомъ направленіи и призываютъ народы союзныхъ и воюющихъ съ Россіей странъ къ давленію надъ своими правительствами для отказа отъ коалиціи; они должны настоять, чтобы ихъ правительства добивались отъ своихъ союзниковъ общаго отказа отъ завоеваній и контрибуцій. Съ своей стороны совѣты подтверждаютъ необходимость переговоровъ Временнаго Правительства съ союзниками для выработки общаго соглашенія въ указанномъ смыслѣ. Революціонный народъ Россіи будетъ продолжать свои усилія для приближенія мира на началахъ братства и равенства свободныхъ народовъ. Офиціальный отказъ в с ѣ х ъ правительствъ

привѣтственно размахивалъ блестящей шашкой. Какъ и всѣмъ автомобилямъ, нашему тоже кричали «ура». По пути можно было взглянуть поближе, что стало съ городомъ. На Знаменской площади дымился Николаевскій вокзалъ и бѣшено догоралъ участокъ на Старомъ Невскомъ. На Суворовскомъ все еще стрѣляли съ крышъ, и вся Таврическая улица, изящная и спокойная, кипѣла народомъ.

Передъ Думой стояли броневики, гарцовали кавалеристы, ходили солдаты и внимательно выжидала новостей толпа.

Мы вошли черезъ дверь для публики. То, что открылось, говорило о переворотѣ ярче всего того, что происходило на улицахъ.

По всему коррыдору, ведущему въ Екатерининскій залъ, толпились, лежали и сидѣли солдаты. Многіе изъ нихъ спали тутъ же, у стѣнъ, на полу, обезсиленные предыдущей безсонной ночью.

Въ полуциркульномъ залѣ, примыкающемъ къ Екатерининскому, стояла непонятная толчея.

На большой доскѣ, слѣва, гдѣ вывѣшивались объявленія о собраніяхъ думскихъ комиссій, болтался листъ съ надписью—«перевязки».

Около, передъ столомъ, заваленнымъ бинтами, ватой и марлей, хлопотала сестра милосердія.

Рядомъ глядѣли въ потолокъ круглыми своими глотками опорожненные бидоны изъ-подъ молока.

Напротивъ, въ другомъ углу, солдаты сваливали въ кучу гимнастерки, брюки и сапоги—всю солдатскую аммуницію, неизвѣстно откуда принесенную. Тутъ же въ безпорядкѣ валялось нѣсколько зеленыхъ пулеметовъ, охраняемыхъ бородатымъ часовымъ. Часовой мигалъ глазами—онъ тоже не спалъ всю ночь—и медленно жевалъ черный хлѣбъ.

Солдатъ было такъ много, что дума производила полное впечатлѣніе казармъ, гдѣ совершается что-то очень важное и очень спѣшное.

Изъ Екатерининскаго зала доносились обрывки чьего-то охрипшаго и надорваннаго голоса.

Тамъ окруженный сгрудившимися рядовыми, жестикулируя и широко открывая ротъ, и словно подпрыгивая на сильныхъ ногахъ, чтобы помочь своему изнемогшему голосу, говорилъ Керенскій.

Лицо его было влажно, блѣдно и устало.

Что онъ говорилъ? Трудно сказать. Со всѣхъ сторонъ шелъ гулъ и шарканье сапогъ по наслѣженному и побурѣвшему отъ грязи паркету, и только изрѣдка воздухъ разсѣкали звонкія слова, доносившіяся отчетливо и опредѣленно.

— ...Часъ насталъ... Будемъ же дружны... Еще одно усиліе... Благодарю... — и послѣ все это тонуло, мѣшалось и оставались только гулъ и толпа въ бѣлоколонномъ залѣ, словно застывшая, и старающаяся провидѣть новый блеснувшій ей свѣтъ.

У солдатъ были сосредоточенныя и дѣловыя лица. Тѣ которые не могли слушать, сидѣли передъ столомъ съ журналами или прехладнокровно расхаживали, куря папиросы.

Они могли доставить себѣ эту вольность—истинные герои дня и господа положенія.

Но тутъ были не только одни они: лѣвѣе, въ другомъ концѣ, выстроясь, какъ на парадѣ, двумя шеренгами, стояли юнкера Михайловскаго артиллерійскаго училища.

Рядомъ съ ними, держа шапку у круглой груди, какъ во время молебна, серьезно и съ почтительнымъ достоинствомъ стоялъ полный генералъ.

Керенскій кончилъ, получивъ свою порцію „ура".

Его мѣсто занялъ Милюковъ. Гулъ сразу пріутихъ.

Розовый, славный, съ маленькими косицами сѣдыхъ волосъ и начинающей лысѣть красивой головою, Милюковъ казался умнымъ и добрымъ человѣкомъ, который, конечно же, найдетъ настоящія слова.

И, прежде всего, онъ сталъ говорить о порядкѣ.

Онъ благодарилъ солдатъ за единодушіе и призывалъ къ спокойствію:

— ...Только организованностью намъ можно побѣдить и, прежде всего, мы должны сорганизоваться. Сдѣлано еще не все. Успѣхъ дали намъ войска,—вы солдаты,—но войско немыслимо безъ офицеровъ. Обѣщаете ли вы мнѣ, что вы будете слушаться своего офицерства?...

— Обѣщаемъ! Обѣщаемъ!—пророкотали въ отвѣтъ...

— Обѣщаете ли вы держаться стойко и не чинить ничего, что повредило бы вашему достоинству?—поднявъ руку, громче спросилъ Милюковъ, и розовое лицо его еще больше порозовѣло...

— Обѣщаемъ! Обѣщаемъ!..—снова прокатилось по залѣ.

Клятвы были даны.

Милюкова смѣнилъ командиръ гренадерскаго полка,—худощавый и нервный человѣкъ.

Онъ подтвердилъ все то, что говорилъ Милюковъ, но уже въ формѣ приказа.

— Гренадеры, къ выходу! Попарно!

Подъ конецъ вышелъ въ сѣрой своей бекешѣ членъ гос. думы Герасимовъ и голосомъ могучимъ, какъ труба, передалъ привѣтствіе собравшимся отъ М. В. Родзянко, занятаго во временномъ комитетѣ.

Всѣ стали расходиться...

Юнкера выстроились, послышались слова команды, топотъ ногъ.

Въ это время разнеслось, какъ радостный шелестъ вѣтра.

— Питирима арестовали!

— Питирима привезли! Только что... блѣденъ и растерянъ... Господа! Питиримъ арестованъ!

— Урра!—прокричало нѣсколько голосовъ.

Но на него никто не пошелъ взглянуть: пусть сидитъ спокойно, каверзникъ!

Я обошелъ дворецъ. Въ буфетѣ, подъ грохотъ посуды, въ шинеляхъ, въ клубахъ табачнаго дыма, пили чай солдаты... Черезъ корридоры, гдѣ еще недавно проходили министры и депутаты, тянулись необычайныя процессіи: солдаты несли большія, застывшія, ало-сизыя туши мяса и коврига хлѣба для продовольствія команды, занявшей Таврическій дворецъ.

Въ комнатѣ, рядомъ съ буфетомъ, студенты и курсистки лихорадочно работали надъ чѣмъ-то—кажется, набивая пулеметныя ленты...

И вездѣ—во всѣхъ проходахъ, на диванахъ, подъ диванами, вповалку, растянувшись и принявъ всевозможныя позы, лежали убитые сномъ солдаты.

На улицѣ и передъ подъѣздомъ публики стало еще больше.

Толпа тянулась отъ дворца по всей Таврической вплоть до Суворовскаго проспекта, гдѣ стрекотали пулеметы полицейскихъ.

Настроеніе было радостное и задорное.

Народъ! Онъ показалъ себя, что можетъ значить народъ.

— Господа!—кричалъ на углу студентъ, взобравшись на трубу.—Курловъ арестованъ. Но знаете какъ? Обысканъ былъ весь его домъ и все безрезультатно. Тогда сказали, что онъ спрятался въ прачешную. Кинулись туда и увидѣли, что господинъ Курловъ, снявъ съ себя генеральскій мундиръ, одѣлся въ бабью кофту, повязалъ платочкомъ голову и—тутъ студентъ не могъ подавить смѣха—и... и стираетъ бѣлье!.. Онъ загримировался прачкой!!

Общій хохотъ, дружный и могучій, покрылъ конецъ словъ.

Около трехъ часовъ дня дума была обстрѣлена изъ пулемета съ верхушки противоположнаго зданія. Снова были жертвы.

Часть «еще не согласныхъ» заперлась въ адмиралтействѣ и обсыпала пулями Васильевскій островъ. Начиналась послѣдняя ставка.

Когда наступилъ вечеръ, это сдѣлалось еще болѣе грознымъ.

Я никогда не видѣлъ—и врядъ-ли увижу еще что-либо подобное.

Городъ гремѣлъ и ревѣлъ, какъ придушенный и разсвирѣпѣвшій грозный звѣрь.

Рокотъ машинъ, грохотъ разбиваемыхъ стеколъ, выстрѣлы ружей, дробь прерывистой пулеметной стрѣльбы, кровавое зарево пожаровъ, восторгъ, недоумѣнье, ужасъ, проклятья—все, перевернутое и судорожное, трепетало и порывалось, и кричало дикимъ своимъ рыкомъ.

Пользуясь темнотой, полицейскіе на крышахъ участили свою кровавую работу.

По улицѣ нельзя было пройти съ увѣренностью, что будешь живымъ—но радость побѣды и упоенье ею превозмогли всякій страхъ. Весь городъ былъ на улицахъ.

Извѣстія, одно другого волшебнѣе, вспыхивали, какъ бенгальскіе огни.

— Эшелонъ сибиряковъ, пришедшихъ на „усмиреніе", присоединился къ народу!

— Арестованъ Протопоповъ!

— Адмиралтейство пало!

Это было неиссякаемо—какъ неистощимый рогъ Фортуны....

Солдаты осаждали дома, гдѣ скрывались убійцы, осматривали квартиры, лазили на чердаки....

Но стихія толпы уже развертывала крылья. Крики и требованія мѣшались, перегоняя другъ друга и бурля, какъ водоворотъ.

Все, что накипѣло—вся боль и все негодованіе, все нетерпѣнье и оскорбленья, до конца—съ яростью выплескивались наружу...

И надъ всѣми домами, надъ тысячами крышъ, и надъ двумя милліонами народа проносился озлобленный вой,

Ахъ, оно страшно, красное знамя революціи!

— Толпа—чудовище, если она не отдаетъ себѣ отчета.

И въ эти безумные часы, въ городѣ, полномъ надеждами, наслажденіями и проклятьями,—каждый, кто могъ еще быть хладнокровнымъ, спрашивалъ себя невольно:

— Хватитъ ли силъ? Хватитъ ли воли для порядка? Что будетъ? Разгромленные магазины не предвѣщаютъ хорошаго... Вѣдь, въ эти часы все позволено—убивать, грабить, насиловать, издѣваться, ибо никого нѣтъ, кто бы могъ остановить и запретить, и все зависитъ отъ самого народа... Хватитъ ли у него гордости преодолѣть соблазны и, побѣдивъ старую власть, побѣдить то темное, что пробуждается въ каждомъ изъ насъ въ безумныя минуты?...

Выстрѣлы росли, росъ гулъ, росли крики..

Февраль, неожиданный и страстный въ своемъ порывѣ, кончался въ судорогахъ и въ восторгѣ. Наступило 1-е марта.

Но этотъ день казался уже совсѣмъ новымъ.

Выстрѣловъ не было. На улицахъ было меньше народа. Открылись магазины, дотолѣ заколоченные наглухо, чтобы сохранить зеркальныя стекла. По Невскому трусилъ извозчикъ... Городъ принималъ обычный видъ—и, значитъ, стало ясно одно:

— Кончено. Можно ликовать.

— Народъ не только побѣдилъ старую власть—онъ побѣдилъ себя, ради свободы и порядка.

И это было—какъ свѣтлое воскресенье...

«Кіев. М.» Алексѣй Масаиновъ.

отъ завоевательныхъ программъ—могучее средство прекращенія войны. При такихъ условіяхъ, пока эти условія не осуществлены, пока продолжается война, Россійская демократія признаетъ, что крушеніе фронта и ослабленіе его устойчивости почти было бы величайшимъ ударомъ для дѣла свободы.

Въ цѣляхъ самой энергичной защиты революціонной Россіи отъ всякихъ посягательствъ на нее извнѣ и въ видахъ самаго рѣшительнаго отпора всѣмъ попыткамъ помѣшать дальнѣйшимъ успѣхамъ революціи, совѣщаніе Совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ призываетъ демократію Россіи мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣхъ отрасляхъ народной жизни для укрѣпленія фронта и тыла.

Совѣщаніе совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ призываетъ всѣхъ рабочихъ фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, почты, телеграфа и другихъ предпріятій, работающихъ на армію и тылъ, вести работы съ величайшимъ напряженіемъ. Экономическія завоеванія рабочаго класса и стремленія къ дальнѣйшимъ реформамъ не только не должны ослабить трудовую энергію, но должны довести производительность работъ до наибольшихъ размѣровъ въ интересахъ обезпеченія населенія и арміи всѣмъ необходимымъ. Совѣщаніе Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ обращаетъ вниманіе всѣхъ гражданъ, особенно занятыхъ въ сельскихъ хозяйствахъ и транспортахъ, на опасность отъ продовольственной разрухи, завѣщанной старымъ режимомъ и призываетъ напречь всѣ силы для ея преодолѣнія. Совѣщаніе Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ шлетъ свой привѣтъ солдатамъ и офицерамъ революціонной арміи, защищающимъ свободную Россію внутри страны и на фронтѣ.

Задержаніе Бориса Владиміровича.

ПЕТОГРАДЪ. 29 марта. Въ Царское Село доставленъ изъ ставки Борисъ Владиміровичъ и сданъ подъ охрану царскосельскаго гарнизона.

Франко - бельгійскій фронтъ.

ПАРИЖЪ. 29-го марта. Вечернее официальное сообщеніе.

Въ районѣ Сенъ-Кантена происходитъ довольно сильная артиллерійская перестрѣлка.

Къ югу отъ Уазы непріятель послѣ сильной бомбардировки оттѣснилъ одинъ изъ нашихъ отрядовъ къ сѣверо-востоку отъ Вернель, близъ Куси, но былъ немедленно выбитъ изъ нашихъ позицій контръ-атакой.

Англійскій фронтъ.

ЛОНДОНЪ. 29 марта. Вечернее офиціальное сообщеніе британской квартиры во Франціи.

Сраженіе развивается благопріятно въ соотвѣтствіи съ общимъ планомъ. Рано утромъ захвачены нами селенія и высоты Меши-ле-Пре и Лабаржеръ; въ другихъ пунктахъ линіи боя мы также достигли успѣха.

Общее число захваченныхъ нами орудій болѣе 100, изъ которыхъ нѣкоторые достигаютъ восьмидюймоваго калибра, 60 траншейныхъ мортиръ, 163 пулемета.

Англичане въ Месопотаміи.

ЛОНДОНЪ. 29-го марта. Офиціальное сообщеніе о военныхъ дѣйствіяхъ въ Месопотаміи:

Турецкіе отряды отступаютъ въ направленіи Кифры и теперь повидимому вмѣстѣ съ прочими турецкими войсками сосредоточились на лѣвомъ берегу Тигра, намѣреваясь двигаться противъ нашихъ силъ, находящихся въ районѣ между Шатъ-эль-Адаимъ и рѣкой Діалой, удерживая въ то же время русскіе отряды, расположенные въ верхней части Діалы.

26 марта поступили свѣдѣнія, что наши войска вошли въ соприкосновеніе съ передовыми турецкими отрядами на линіи Гарфа-Делiебасъ, овладѣвъ лѣвымъ берегомъ Шатъ-эль-Адаима. Въ тотъ же день мы захватили станцію Беладъ и желѣзнодорожный путь отъ Багдада до Самарры, въ 50 миляхъ къ сѣверо-западу отъ Багдада, причемъ станція Гарфа, въ 4 миляхъ къ сѣверу отъ Белада, занята утромъ 27 марта. Во время операціи 26 марта мы взяли въ плѣнъ 9 офицеровъ и 200 унтеръ-офицеровъ и солдатъ; захвачено также два пулемета и желѣзнодорожный матеріалъ.

Итальянскій фронтъ.

РИМЪ. 29-го марта. Офиціальное сообщеніе итальянской главной квартиры:

Вдоль всего фронта—артиллерійскій огонь; столкновенія патрулей происходятъ въ долинѣ Лагарины, въ районѣ горы Зифъ, въ верхнемъ Кордеволе и къ востоку отъ Горицы.

На Карсо въ ночь на 27 марта непріятель пытался атаковать выдвинутыя впередъ траншеи, недавно занятыя нами въ районѣ къ сѣверу отъ Боско-Мало, но атака остановлена огнемъ нашихъ батарей прежде, чѣмъ непріятельскимъ частямъ удалось развернуться.

Новый Свѣтъ противъ Германіи.

Условія присоединенія Штатовъ къ войнѣ.

НЬЮ-ІОРКЪ. 29-го марта. Выработанъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій на морѣ Штатовъ и державъ согласія, предполагающій полное использованіе американскихъ морскихъ силъ для защиты американскаго побережья Атлантическаго океана до Панамскаго канала, а также оборону американскихъ и англійскихъ владѣній Вестъ-Индіи и Кубы. Предусмотрѣно предоставленіе въ распоряженіе союзниковъ свободныхъ американскихъ военныхъ судовъ съ цѣлью усиленія британскаго и французскаго флотовъ въ борьбѣ съ германскими субмаринами.

Аргентина противъ Германіи.

БУЭНОСЪ-АЙРЕСЪ. 29-го марта. Вечеромъ 28-го марта правительствомъ опубликовано сообщеніе, въ которомъ Аргентинское правительство присоединяется къ положенію, занятому Сѣверной Америкой по отношенію Германіи.

Жертва субмарины.

МАДРИДЪ. 28 марта. Безъ предупрежденія потоплено германской субмариной испанское судно «Санъ-Фюльгенъ», шедшее изъ Лондона въ Барселону съ грузомъ угля.

Какъ деревня встрѣтила переворотъ.

(Вѣсти изъ уѣзда).

Въ моемъ распоряженіи масса писемъ уѣздныхъ корреспондентовъ, рисующихъ наше крестьянство въ первые дни по полученіи извѣстій о совершившемся государственномъ переворотѣ. Письма изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей уѣзда.

Есть письма и изъ Осинскаго уѣзда, изъ Бирскаго. Корреспонденты—люди тоже самые разнообразные: крестьяне, учителя, агрономы и проч.

И не смотря на все это разнообразіе тонъ всѣхъ писемъ веселый, бодрый, радостный. Деревня встрѣтила происшедшія перемѣны «съ самымъ легкимъ сердцемъ», какъ пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ. Таковъ и общій выводъ, какой выносишь отъ чтенія и всей уѣздной корреспонденціи. Съ царемъ разстались охотно. «Хуже не будетъ»—говорятъ всѣ. Приходится только удивляться тому быстрому сдвигу въ настроеніи крестьянской массы въ отношеніи царской власти. Послѣднее десятилѣтіе, видимо, даромъ не прошло. Жалѣютъ царя только женщины. Винятъ во всемъ царицу и министровъ, — они де подвели. Затвжихъ людей слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Говори—говори—одно общее требованіе. Просятъ газетъ, листовокъ. И лекторамъ приходится говорить и говорить. Темнота страшная. Молодежь на войнѣ, а старики и женщины почти сплошь неграмотные. Волости съ вотскимъ населеніемъ особенно безпомощны въ этомъ отношеніи. «Газетъ не выписываемъ, извѣстій никакихъ не имѣемъ, живемъ какъ въ лѣсу,—говорятъ вотяки и тутъ же добавляютъ: «пожалуйста, заѣзжай почаще». Особенно любятъ они, когда съ ними говорятъ по вотски. Такихъ лекторовъ буквально не отпускаютъ.

Въ происходящихъ событіяхъ разбираются, видимо, плохо. Особенно много толковъ вызываетъ понятіе „свобода". Большинство вотяковъ опредѣленно рѣшило, что теперь имъ пришла «свобода» варить кумышку. Увѣреніямъ лекторовъ, что за кумышку будутъ преслѣдовать еще строже—мало придаютъ значенія. Толкуй де! Съ точки зрѣнія свободы варенія кумышки многіе вотяки разсматриваютъ и вопросъ объ отреченіи царя отъ престола. «Давно бы надо этого царя гонять, — говорятъ вотяки въ Пургинской вол.,—а то онъ мѣшалъ намъ кумышку варить. Теперь намъ свобода и пить будетъ весело».

И пьютъ во-всю.

Въ Пургинской же волости первымъ долгомъ «по объявленіи свободы» было постановлено убрать стараго урядника. На его мѣсто назначили стражника, уволеннаго ранѣе за пьянство. Обрадованный новымъ назначеніемъ стражникъ запилъ. Запили и пургинцы. Свобода!

Вообще работы въ деревнѣ непочатый уголъ. Страшная нужда въ лекторахъ. Люди нужны вездѣ, а ихъ нѣтъ. Къ тому же замѣчается еще какая то отчужденность крестьянъ отъ мѣст. интеллигенціи. Правда, это явленіе наблюдается мѣстами, но, къ сожалѣнію, наблюдается. Думаемъ, что съ работой всѣ шероховатости между крестьянами и мѣстной интеллигенціей исчезнутъ. Все будетъ зависѣть отъ самихъ мѣстныхъ работниковъ. Имъ придется напрячь всѣ силы для работы среди крестьянъ, тогда «холодокъ» между крестьянами и мѣстными учителями и пр., несомнѣнно, растаетъ.

П.

Хроника.

— Засѣданіе комиссіи по призрѣнію семей воиновъ. Въ среду 5 апрѣля въ 2 часа дня въ помѣщеніи городской управы назначено засѣданіе городской комиссіи по призрѣнію семей для разсмотрѣнія текущихъ вопросовъ.

— Засѣданіе членовъ комиссіи педагогическаго общества назначено въ 10 ч. утра 3 апрѣля въ помѣщеніи высшаго начальнаго училища на Троицкой площади.

— Засѣданіе городской комиссіи по народному образованію состоится 3 сего апрѣля въ 1 часъ дня въ помѣщеніи городской управы.

— Засѣданіе правленія педагогическаго общества состоится 6 апрѣля въ 1 часъ дня въ помѣщеніи реальнаго училища.

— Собраніе служащихъ Сарапульскаго земства. 4 апрѣля въ помѣщеніи земской управы предположено собраніе земскихъ служащихъ для обсужденія проекта союза земскихъ служащихъ Сарапульскаго земства и для выбора делегата для посылки его на съѣздъ земскихъ служащихъ, который состоится въ г. Москвѣ въ половинѣ апрѣля. Отъ уѣздныхъ земствъ на этотъ съѣздъ предполагается послать по одному человѣку и отъ каждаго губернскаго по три делегата.

— Бесѣды женской просвѣтительной комиссіи состоятся въ зданіи богадѣльни Смагиныхъ по Іерусалимской ул. 4 апрѣля въ 1 часъ дня на тему: «Государственный переворотъ», 6 апрѣля въ 8 час. вечера на тему: «Что такое свобода».

— Бесѣда, устраиваемая городской комиссіей по народному образованію на тему «Старый порядокъ» состоится въ помѣщеніи городской управы 4 апрѣля въ 1 часъ дня.

— Бесѣда пропагандной комиссіи. Въ понедѣльникъ 3 апрѣля пропагандной комиссіей при комитетѣ Союза труда назначается въ 4 ч. дня въ помѣщеніи городской управы бесѣда на политическія темы.

— Митингъ. Сегодня въ 1 ч. дня назначенъ митингъ въ помѣщеніи цирка, что на берегу Камы. На этомъ митингѣ предполагается выступленіе представителя Петроградскаго Совѣта солдатскихъ депутатовъ г. Фокина.

— Отъ городской комиссіи по народному образованію. Во вторникъ, 4 го апрѣля, въ 1 часъ дня, въ помѣщеніи, открывающагося политическаго клуба на Ломоносовской улицѣ, домъ Стригина, № 26 состоится бесѣда на тему «Старый порядокъ».

— Литературно-вокальный вечеръ мѣстной учительской семинаріи для учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній состоится 2 апрѣля въ музыкальномъ училищѣ.

— Литературно-вокальный вечеръ учащимися сарап. жен. учит. семин. данъ будетъ 4 апр. въ помѣщеніи музыкальнаго училища.

— Польскій вечеръ состоится въ среду 5 апрѣля въ концертномъ залѣ музыкальнаго училища; начало въ 8 часовъ вечера.

— Выставка подарковъ для большой лотереи, назначенной на 3 апрѣля, будетъ открыта съ 11 час. утра 2 апрѣля. Во время выставки будетъ производена продажа оставшихся билетовъ. Результатъ розыгрыша опубликуется въ газетахъ.

— Взамѣнъ пасхальныхъ визитовъ въ пользу об-ва вспомоществованія учащимся въ реальномъ училищѣ и женской гимназіи внесено: А. В. Ксенократовымъ—3 р., С. И. Егоровымъ—1 р., В. Н. Зыдевымъ—1 р., М. Родевичъ—3 р., В. В. Буглевскимъ 1 р. и отъ С. Н. Деминымъ 5 р.

— Въ пользу политическихъ. Жителями дер. Кыквы, Шарканской волости въ редакцію газеты „Кама" присланы на помощь семьямъ борцовъ павшихъ за свободу 4 р. 26 к.

— На нужды войны. Отъ Любы Вольфъ золотомъ 5 р., отъ В. Ф. Вольфъ серебромъ 20 р., отъ Бушмакиной 20 р. золотомъ, 30 руб. сереб.

— На махорку 166 п. з. п. Отъ Бушмакиной 5 р. и отъ С. Н. Демина 5 р.

— Отъ служащихъ Сарапульской землеустроительной комиссіи солдатамъ находящимся на позиціяхъ, на подарки передано въ редакцію 4 р. 50 к.

— Въ пользу об—ва вспомоществованія нуждающимся ученикамъ Сарапульскаго духовнаго училища взамѣнъ пасхальныхъ визитовъ поступило 53 руб.

— Случай со священникомъ. 30 марта священникъ Гаркуновъ для службы въ Усть-Сарапульской церкви поѣхалъ въ деревню. Ѣхать пришлось по Камѣ, т. к. кромѣ этой дороги нигдѣ нельзя было проѣхать. Ямщикомъ былъ молодой неопытный парень. Они благополучно проѣхали полпути, но потомъ лошадь провалилась въ воду и увязла подъ ледъ, таща за собой и сани. О. Гаркуновъ успѣлъ выскочить на снѣгъ, и весь вымокнувъ, хотѣлъ было итти пѣшкомъ дальше, но обезсилѣлъ отъ перенятаго волненія и вернулся домой. Все это произошло выше желѣзнодорожнаго моста на ближней къ Сарапулу половинѣ. Передъ случаемъ со священникомъ въ разное время этого же дня тонули около моста двѣ лошади, но ихъ удалось спасти, а лошадь священника Гаркунова утонула.

— Арестъ воровъ. Намъ сообщалось по вчерашнемъ номерѣ о кражѣ изъ магазина Адамова мануфактурнаго товара на 1500 руб. Къ вечеру 30 марта воры разысканы, весь украденный товаръ отобранъ и возвращенъ владѣльцу, а сами воры арестованы.

— Пожаръ въ тюрьмѣ. 31 мар. въ 6 час. утра въ мѣстной тюрьмѣ возникъ пожаръ. Пріѣхавшей вскорѣ пожарной командой пожаръ былъ быстро потушенъ.

— Поправка. Въ № 72 „Кама" было ошибочно напечатано, что 3 руб. на махорку солдатамъ мѣстнаго гарнизона поступили въ редакцію отъ В. Г. Гаврилина. По справкамъ оказалось, что это пожертвованіе поступило отъ В. Г. Петрова.

Бюллетень.

Телегр. сообщ. К. О. П. С.

За 29 марта.

Въ виду повсемѣстной значительной прибыли воды на Волгѣ и быстраго таянія снѣговъ, можно ожидать ледохода при высокой водѣ. Въ верховьяхъ р. Камы прибыль незначительная. У г. Сарапула по 31 марта включительно прибыло 28 вершковъ.

Объявленія.

Зубной врачъ С. О. ЛЕВИНА.
Пріемъ съ 10—2 и съ 4—7 час.
Леченіе, пломбированіе и удаленіе зубовъ.
Искусственные зубы на золотѣ и каучукѣ.
Сарапульская, д. 46, П. Л. Смагина.

НАСТРАИВАЮ
и поправляю рояли и піанино.
Имѣю рекомендаціи отъ музыкальнаго училища и частныхъ лицъ. Записываться на настройку можно въ маг. Синицына или въ типогр. „Кама" 812

С. Е. Сусловъ
обученіе печатанію на пишущихъ машинахъ.
Запись въ очередь продолжается.
Соборная ул., д. № 72, противъ Пушкинскаго сада. 747

Утеряна продовольственная карточка
Евдокима Савельевича Обухова на 5 человѣкъ
Адресъ въ типографіи „Кама".

УТЕРЯНА продовольственная карточка на имя Евдокіи Касаткиной и 8 р. денегъ, утеряна въ кондитерской Буровыхъ, куда нашедшаго и просятъ доставить.

Сдается большая комната
съ отдѣльнымъ ходомъ.
Адресъ въ типографіи „Кама". 824

Сдается квартира
верхній этажъ въ 6 комнатъ.
Богоявленская ул., рядомъ съ д. Басанова, С. В. Сабанцкова. 799

ДАЧА сдается
со всѣми удобствами,
близъ рѣки Сарапулки, Н-ка Зыдевыхъ (бывш. Шаровск. садъ), тамъ-же сдается большое мѣсто для посадки овощей, второе мѣсто большое сдается подъ огороды на Мѣщанской ул., на берегу Сарапулки. Узнать у Ивана Васильевича Николаева, Сарапульская ул., домъ Николая Ивановича Дедюхина. 842

Ночью 26 марта **украдена лошадь** жеребецъ, рыжей масти, во лбу проѣдина, грива на обѣ стороны, 3-хъ лѣтъ, правое ухо срѣзано.
Въ случаѣ обнаруженія, прошу сообщить: Мазунин. почтов. отд., кр. дер. Лысовой, Ивану Леонтьевичу Бабкину. Будетъ выдано вознагражденіе. 834

Продаю усадьбу съ 3 дер. 2 этаж. домами и службами, водопроводъ. На углу Сарапульской и Іерусалимской ул. Александръ Николаевичъ УГЛОВЪ. 38

Продается ДОМЪ
тутъ-же отдается и квартира.
Троицкая ул., № 72, д. Гулина, между Мало-Покр. и Нек. Адресъ домовладѣльца нижній складъ. 750

Продаю большой 2 этажн. каменный **ДОМЪ**
съ обстановкой для номеровъ, подвалами, службами и 2-мя усадебными мѣстами, находящійся въ центрѣ города, на углу Богоявленской и Вятской улицъ, гдѣ помѣщаются „Европейскіе номера".
636 Нотаріусъ В. В. Буглевскій.

Вечеромъ 29 марта на Сарапульской ул., возлѣ угла Рождественской утеряна одна **ПЕРЧАТКА** изъ толсрой замши съ правой руки. Нашедшаго убѣдительно просятъ сообщить городскимъ письмомъ свой адресъ или доставить перчатку по адресу Рождественская, 19, верхній этажъ, Четыркину, по желанію будетъ дано вознагражденіе. 851

Электро-театръ **Міръ Иллюзій** 3 и 4 апрѣля **Я помню вечеръ** кино-повѣсть въ 4 част. Въ главной роли В. В. Максимовъ. 5 и 6 апрѣля **НОЧЬ МЕСТИ** драма въ 7-ми частяхъ.

Электро-театръ **„Миніатюръ"** 3 и 4 апрѣля 1917 г. **ОНА БЫЛА СВОБОДЫ ДОЧЬ** художественная драма-сказка въ 4-хъ частяхъ. **Прелестная продавщица** комическая. АНОНСЪ: съ 5-го апрѣля **ПАННА МЕРИ** 1-я СЕРІЯ въ 4-хъ частяхъ. НА ДНЯХЪ 2-я СЕРІЯ.

Редакторъ А. А. Истопкинъ. Издатель: Издательское паевое товарищество въ гор. Сарапулѣ, уголъ Сарапульской и Троицкой ул., домъ Музыкальнаго училища. Телефонъ № 145.